

Моя Атлантида

Анатолий Обьедков

Анатолий Обьедков
Моя Атлантида. Избранное
Серия «Поэты 21 века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48474120

Моя Атлантида:

ISBN 978-5-907254-08-4

Аннотация

В сборник вошли избранные лирические стихотворения современного российского поэта Анатолия Обьедкова, члена Союза писателей России и лауреата Международной премии им. Владимира Набокова.

Автор воспевае красоту родной земли, погружая читателя в эпицентр своих переживаний. Как наяву мы представляем перед собой живые, насыщенные картины природы различных уголков России: провожаем взглядом парусник на Ильмене, бредём по Приазовским степям, сидим на берегу Чёрного моря, встречаем рассвет в Северной Пальмире.

Анатолий Обьедков искусно сочетает в своих стихах мягкость, тонкость эмоционального начала и рациональное отношение к миру. Автор сравнивает родную землю с Атлантидой: он пытается осмыслить судьбу отчизны, понять её прошлое и будущее, а значит, лучше разобраться в самом себе и своём месте в этом мире.

Содержание

Об авторе	7
«Снег летит, и ночь светла...»	9
«Звонят, звонят колокола...»	10
«Валдай, Валдай – ямщицкая страна...»	11
«Разгулялась шальная метель...»	12
Александр Невский	13
«Жаром дышат солдатские выси...»	14
«Не умолкает моря шум...»	15
«Не забывай меня, мой милый...»	16
«Черпать воду решетом...»	17
«К тебе я обращаюсь, Иловой...»	18
«Кастальский ключ волною вдохновенья.....»	19
«Что – судьба иль веха...»	20
«Улетает с вьюгой время...»	21
«Небо светит бирюзой...»	22
«Заплакали чибисы вновь надо мною...»	23
«Собор Успенский во Владимире...»	24
«Русь к очищению зовёт...»	25
«Вот упала звезда. У порога...»	26
«Ветер вьюгу пророчит...»	27
«В ущелье пули – «цвинь» да «цвинь»...»	28
Парусник	29
«Стара часовня. Вид унылый...»	30

«Ничто так не тревожило меня...»	31
Ворон	32
«Каким иконам мы молились...»	34
«Быть может, это голос твой...»	35
«На торговой – ночь и снег...»	36
«Летит, летит степная саранча...»	37
Моя Весна	38
«Полустанки. Станции...»	39
«Теперь мне дышится легко...»	40
«Зовут нас ильменские дали...»	41
«Крестовоздвиженский собор...»	43
«Огласится кликами...»	44
«Так вот он, Финляндский вокзал...»	45
«Над скопищем духов вставала заря...»	46
«В соборе оживают тихо фрески...»	47
«Опять жасмин в саду цветёт...»	48
«Я верю в день, что к нам придёт...»	50
Русь	51
На скиту	53
«Поэтами воспетый...»	54
«Берестяных ли грамот слово...»	55
«Церквушка Власия...»	56
«Под кремлёвскими башнями снег...»	57
«Слепит глаза сияние небес...»	58
«– Что, смерд, написаны иконы...»	59
«Во владеньях Врубеля и Блока...»	60

«Ни души на дороге степной...»	61
«Под кручей – соминая яма...»	62
«Святые горы...»	63
«Во мрак я вглядываюсь долго...»	64
Иловой	66
«Гусли славили Бояна...»	68
Плач Ярославны	69
«Не смутит печаль времён...»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

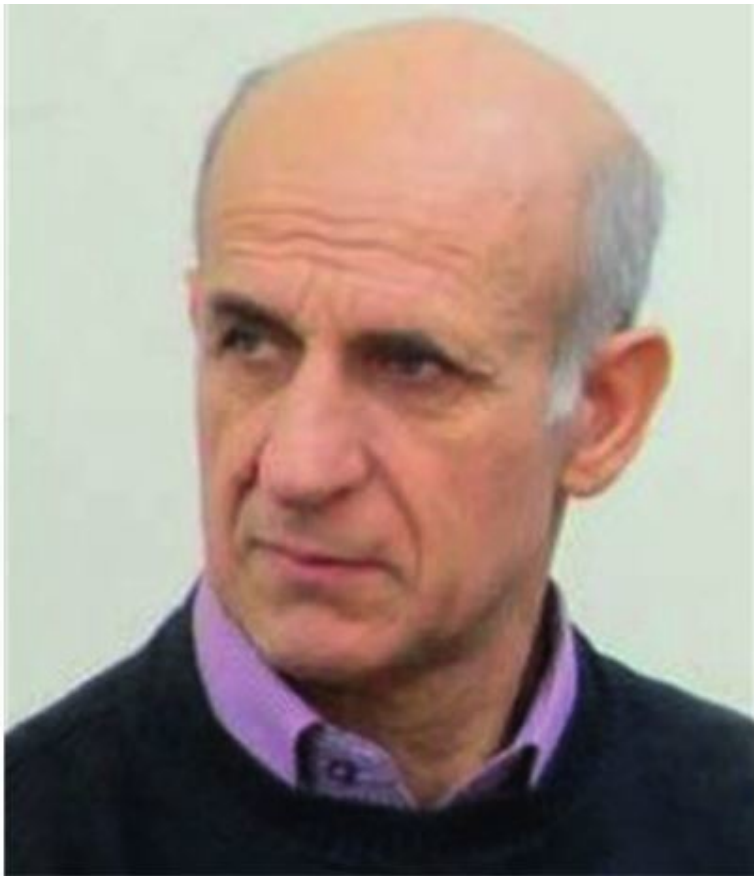
Анатолий Обьедков

Моя Атлантида

© Анатолий Обьедков, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

Об авторе

Анатолий Романович Обьедков – член Союза писате-

лей России, член-корреспондент ПАНИ, автор 10 поэтических сборников. Стихи его публиковались в газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета»; в журналах «Наш современник», «Невский альманах», «Север», «Российский колокол», «Литературная столица», «Российская литература», «Новгород литературный», «Поэзия. XXI век от Рождества Христова»; в альманахах «День поэзии», «День русской поэзии», «Невская формула», «Вече»; в сборниках «Антология русской поэзии», «Все поэты Новгородской области», «Поэт года». Стихи также переводились на английский язык и публиковались в журнале «Рашн белл». Анатолий Романович – лауреат Международной премии им. Владимира Набокова, награждён медалью «За заслуги в области культуры и искусства» и золотой медалью А. С. Пушкина.

«Снег летит, и ночь светла...»

Снег летит, и ночь светла,
Что-то в ней такое есть,
Что святые купола
Шлют стране благовую весть.

Над кремлём не видно туч,
Всё вокруг белым-бело.
Воздух нежен и певуч,
Словно лебеда крыло.

Снег летит, и эхо дней
В нём находит свой покой,
Словно нет его родней...
С ним и я теперь другой.

«Звонят, звонят колокола...»

Звонят, звонят колокола
В рассветных сумерках России,
Их звон плывёт в небесной сини,
Превозмогая силы зла.
Их звон – предчувствие весны,
Когда вокруг всё оживает,
И в даль он явно снаряжает
Все наши трепетные сны,
Когда сквозь дымную метель —
Сквозь все ухабы и тревоги —
Летишь ты, и поёт свирель
Над остриём твоей дороги.

«Валдай, Валдай – ямщицкая страна...»

Валдай, Валдай – ямщицкая страна,
Где резвой тройкой веют времена.
Вечерний свет, озёрный блеск воды,
За церковкой – цветущие сады.
Ты – юная, сама как райский сад,
Но время я не поверну назад,
Чтоб снова здесь нам встретиться с тобой.
Ты – в памяти, за дымкой голубой.

«Разгулялась шальная метель...»

Разгулялась шальная метель.
Облетевшей листвы акварель
Робко красками брезжит в саду.
По тропинке я тихо иду
К потемневшим, застывшим прудам,
К отгоревшим, как спичка, годам.
Веселит душу ветер и снег,
Мне напомнив о нашей весне,
И поёт среди голых ветвей
Улетевший на юг соловей.

Александр Невский

Хранитель-ангел северной столицы,
Как солнце, вспыхнул в сумерках Руси,
Где до сих пор его сиянье длится,
Светло сверкая в бисере росы.

Краеугольным камнем входит в душу
Вся жизнь его – суровый материк.
Он освятил известную нам сушу,
И мудрость он державную постиг.

Он, как Георгий, поразил дракона,
Грозившего опустошить страну,
И правил он по высшему закону,
Храня народ и нашу старину.

«Жаром дышат солдатские выси...»

Жаром дышат солдатские выси,
Пораженья остались в былом.
В наступленье пять наших дивизий,
И на фронте теперь перелом.

Он звучит и в словах Левитана,
Замирая в окопном дыму,
И его повторять неустанно
Можно даже в разбитом дому.

Сквозь огонь самолёты и танки
Устремляются с боем вперёд,
И плакат на двери полустанка
Говорит всем, что враг не пройдёт.

«Не умолкает моря шум...»

Не умолкает моря шум.
Он, как орган, порой звучит
В открытой раковине хрупкой,
Когда прольётся лунный свет.
И горы слушают его,
В туманной дымке растворяясь.

Хотя стою я здесь недавно,
Мне кажется: века прошли,
Когда его я услышал,
Как голос трепетный Вселенной,
Как высший смысл всего земного.
Тревожит, мучит он меня

Своей глубокой, грустной тайной.
Уйду из жизни, он же будет
Всё так же для других звучать.
И набегающие волны
Навряд ли вспомнят обо мне.
Что им волненья наших душ?..

«Не забывай меня, мой милый...»

Не забывай меня, мой милый,
Прошу, меня не забывай.
Любить я буду до могилы
Тебя и твой родимый край.

Не забывай все наши встречи,
Храни любовь мою, храни!
Проходит жизнь, спешит к нам вечер,
И вдалеке горят огни.

Порою кажется, что время
Трепещет флагом на ветру,
Но, милый мой, оно не дремлет,
Звонит и будит поутру.

Не забывай меня в разлуке,
Не обрывай наш майский сон...
К тебе протягиваю руки
И слышу я венчальный звон.

«Черпать воду решетом...»

Черпать воду решетом
Можно ночью из колодца
И на время быть шутом:
Веселиться как придётся.

Я хочу достать воды,
Я тащу журавль руками.
Шест касается звезды
И сбивает лунный камень...

Мне, наверно, повезло:
Он сияет и искрится,
Словно свет пера жар-птицы,
И вокруг, как днём, светло.

«К тебе я обращаюсь, Иловой...»

К тебе я обращаюсь, Иловой:
Храни себя, храни родимый край,
Всё то, на чём стоит Святая Русь,
А я к тебе под ропот струй вернусь.

Расти ты снова табуны коней,
Сажай на них ты верных сыновей.
Идут с грозой лихие времена,
Пора, пора вновь ладить стремя!

Дай твёрдость мне, а в руки – грозный меч,
Чтоб смог я землю от врагов сберечь,
Чтоб сын продолжил на земле мой род,
Тогда и дух мой тоже не умрёт.

«Кастальский ключ волною вдохновенья.....»

Кастальский ключ волною вдохновенья...
А. С. Пушкин

Астральное эхо весны
Мои вновь наполнило годы,
Где зори всё так же красны,
И выси, как месяц, ясны,
И льются кастальские воды
Той жизни, что в дали звала,
Звенела рассветною ранью,
Где слышались колокола
С протяжным, как грусть, замираньем
В стремнине нахлынувших лет,
В гудках и в душевных порывах,
Когда я был чувством согрет
И взят был на поезд билет
В днях юных, хмельных и бурливых.

«Что – судьба иль вежа...»

Что – судьба иль вежа? —
Я узнаю вскоре,
Наплывает эхо
На меня в соборе.

Разгорелись свечи,
Размягчились лица,
От икон под вечер
Тёплый свет струится.

Оживают фрески,
Ангелы как дети,
И влетает дерзко
Грозный гул столетий.

«Улетает с вьюгой время...»

Улетает с вьюгой время,
Гаснет солнце в сизой мгле.
Но не гаснет в сердце вера
В жизнь на горестной земле.

Пусть порой я стисну зубы —
Нет сил, и нет огня, —
Всё равно играют трубы
Утро завтрашнего дня.

И опять под ноги ляжет
Острым лезвием стезя.
Только кто такое скажет,
Что по ней идти нельзя?

Облаков нависший полог
Пропускает тусклый свет.
Я спешу, и путь мой долог,
Замечает вьюга след...

«Небо светит бирюзой...»

Небо светит бирюзой,
Сосны – выше солнца.
Сойка крикнет – звук лесной
В чаще отзовется.

Снег пушистый упадёт
С дуба векового,
И закружит небосвод
Часть пути земного.

«Заплакали чибисы ВНОВЬ НАДО МНОЮ...»

Заплакали чибисы вновь надо мною,
Фекул тёплым ветром подул.
Цветущий орешник сквозит синевою,
И слышен восторженный гул
Каких-то туманных, но ярких мгновений,
Которым забвения нет,
Где солнечный свет растворился весенний
И искоркой стал первоцвет.

«Собор Успенский во Владимире...»

Собор Успенский во Владимире
Летит в галактики надмирные.

Глядит вослед Святая Русь,
И тает облачная грусть.

Она холмами окольцована
И княжьем небом поцелована.

Не знаю я, кого здесь ждут,
Но кони вновь над Клязьмой ржут,

И стяги с дымной поволокою
Мерцают древностью глубокою.

31.03.2017

«Русь к очищению зовёт...»

Русь к очищению зовёт.
От моря Белого до Чёрного,
От ильменских древнейших вод
До Сахалина златопёрого
Она звонит в колокола,
Надеясь на вперёд идущего,
Чтоб только добрые дела
К нам приходили из грядущего.

«Вот упала звезда. У порога...»

Вот упала звезда. У порога
Я стою. Тишина и покой.
В серебро нарядилась дорога
И помчалась ручьём под луной.

По селу, по холмистой равнине,
По былинной и древней земле,
Где соборы мерцают и ныне,
Золотясь куполами во мгле.

Сыплет звоном простор звёздно-синий,
Слышен в нём богатырский размах.
Здесь моя поднималась Россия,
Вот на этих державных холмах.

«Ветер вьюгу пророчит...»

Ветер вьюгу пророчит,
Рвёт подшивки газет.
Петербургские ночи,
Достоевский... Рассвет
По Фонтанке струится,
К Эрмитажу ведёт,
Опускает ресницы
У безвестных ворот.
Он проходит сквозь сердце,
Жутковат он и дик.
Никуда мне не деться,
Я иду напрямик
По судьбе ли, по краю
Острия, лезвия...
Что я понял, что знаю?
Здесь ли песня моя?

«В ущелье пули – «цвинь» да «цвинь»...»

В ущелье пули – «цвинь» да «цвинь»,
А в небесах такая синь,
Что весь сияет горный кряж,
Как ослепительный мираж,
Который не отдашь в бою,
Как землю кровную свою.
Шипит от гильз кровавый снег,
Одна судьба теперь на всех:
Стать камнем, частью грозных скал,
Не сдать бандитам перевал.

Парусник

Парусник по Ильменю скользит,
Провожает, вопрошает Скит:
Может, это судно рыбарей
Поспешает в сторону морей,
Иль Садко поднялся из глубин,
И теперь не видно рыбьих спин?
Ты плыви, мой парусник, плыви
В синь-туман, где есть страна любви,
В дальние заморские края,
Где сейчас любимая моя,
Вспоминая нежно обо мне,
Всё грустит царевной в тишине
У окна и ждёт благую весть...
Он вернётся, если ветер есть.

«Стара часовня. Вид унылый...»

Стара часовня. Вид унылый
Совсем не мрачен при луне,
Коль слышен голос девы милой,
Который вновь летит ко мне.

Звучит он с нежностью лукавой,
Возможно, с пушкинских времён,
Являя миру боль и славу
Всех тех, чей дух был окрылён.

«Ничто так не тревожило меня...»

Ничто так не тревожило меня,
Как вечера у древнего кремля,
Когда закат по куполам скользил,
Будил века незримой тайной сил.
Но тихо всё. Не двинутся века.
Плывут, как сон, над Русью облака.
Курганы спят. До нынешних времён
Течёт, течёт, не умолкая, звон —
Минувших дней, минувших битв набат,
Но войны всех поколений спят.
И только пламя Вечного огня
Колеблется, покой Земли храня.

Ворон

Всё тот же ворон на дубу,
Всё тот же «карк» летит в столетье,
В мою страну, в мою судьбу,
Где разыгрался снежный ветер.

Не обойти его никак.
Не знаю чем, но он тревожит.
Какой-то затаённый страх
Как будто жизнь мою итожит.

Не каркай, ворон, не тревожь,
Ещё не всё вдали пропало.
И эта стынущая дрожь
Ещё сильнее в меня запала.

Уходит жизнь. На склоне дней
Я рад тебя с утра послушать,
Как будто нет тебя родней,
Кому бы вдруг открыл я душу.

Всё те же песни на дубу,
Всё тот же снег, мороз и ветер,
Где к телеграфному столбу
Прибиты сумерки столетья...

«Каким иконам мы молились...»

Каким иконам мы молились,
Что в сердце свято берегли,
Какие сны нам ночью снились —
Всё, всё растоптано в пыли.

Страшнее Русь времён не знала.
Что Чингисханы, что орда?
Как пронести хоть в капле малой
Ту веру, что была всегда?

«БЫТЬ МОЖЕТ, ЭТО ГОЛОС ТВОЙ...»

Быть может, это голос твой
Неяркой тенью пролетает
Над куполами, над рекой,
Звенит над ширью вековой
И в снежном ветре пропадает.

Шуршит замёрзшая река,
Промоины чернеют глухо.
Бегут, торопятся века,
И жизнь безбрежно велика,
Когда в ней есть стремленье духа.

«На торговой – ночь и снег...»

На торговой – ночь и снег,
На Софийской – свет и мгла.
На обеих в полусне
Тихо дремлют купола.

Где же к прошлому ключи,
Кто разгонит мрак и сон?
Чу! Откуда-то в ночи
Колокольный льётся звон.

Как ему я нынче рад!
Оживают ночь и снег,
И домов неярких ряд,
И времён минувших бег...

«Летит, летит степная саранча...»

Летит, летит степная саранча,
Сметая на пути огонь Вселенной.
Что ей заслон, что резкий звон меча?
Она неудержима и нетленна.

Стихия в ней бушует. С ней беда
Стучится в дверь уютного жилища.
Останови – попробуй. Поезда
Буксуют, и повсюду ветер свищет.

Моя Весна

Прозрачной дымкою играя
И рассекая даль... мечом,
Приходит в сны весна нагая,
Звеня разбуженным ручьём.

Она скафандр сняла в морозы,
Слегка прикрылась берестой.
Она влила в метаморфозы
Напиток страстный и хмельной.

И я восторг в ночи лелею,
Бреду сквозь годы наугад.
И вижу светлую аллею
И неизвестный древний град.

Всю ночь искристыми лучами
Она играет и зовёт,
И дева юная встречает
Меня у праздничных ворот.

11.03.09

«Полустанки. Станции...»

Полустанки. Станции.
Огурцы с картошкой.
Рвёт наотмашь пальцами
Инвалид гармошку.

Вспомнил Белоруссию,
Танки, бой, дорогу.
Взрыв, потом контузия,
Потерял он ногу.

Мечут рельсы искрами
Всё сильнее под вечер,
Отгремели выстрелы
В сумерках далече...

Он поёт, старается,
И под звон монеты
Поезд содрогается,
Хоть войны и нету.

12.10.88

«Теперь мне дышится легко...»

Теперь мне дышится легко,
Когда вокруг бушует лето,
И выюги где-то далеко,
И глубь воды до дна прогрета.

Зачем мне ветер в паруса?
Мою ладью легко уносят
Твои зовущие глаза,
В которых растворилась просинь.

Не в монастырь душа летит,
А к солнцу с волею открытой,
Туда, где в соснах дремлет Скит
И с корнем вырвана ракета,

Где воды Ильменя встают,
Как зеркала, в туманной сини,
И соймы ходят там и тут,
И веет святостью России.

«Зовут нас ильменские дали...»

Зовут нас ильменские дали,
Где, словно витязи, стога
Надёжно в полумраке встали
И обозначили луга.

Луна красна, как щит героя,
Что кровью в битве окропил,
Но в ранах не покинул строя,
Рубился из последних сил.

Мне часто кажется: как воин,
Прощался я с тобой не раз,
И звон далёких колоколен
Нам слёзы высекал из глаз.

Я проносил тебя сквозь годы
Безумства, лиха и грозы,
Как верность вверенной свободы,
Как шёпот утренней лозы.

Заморский ветер дальних странствий
Не волновал меня, как ты.
Царевной в сказочном убранстве
В лугах ласкала ты цветы.

Ты помнишь ильменские струги
И ропот помутневших волн,
Когда со мной прощались други
И дух мой был тобою полн?

Но я вернулся, я с тобою,
Нам хорошо в другой дали.
Лишь там, за дымкою степною,
Повеет жизнью вдруг иною,
Всплакнут о ком-то ковыли.

«Крестовоздвиженский собор...»

Крестовоздвиженский собор
Откроет ильменский простор
И вольность, что видна едва ль.
Зато какая плещет даль!
Круженье, блеск плывущих льдин,
Каких мне ждать ещё годин?

Набухших почек чую хмель
И слышу, как звенит апрель,
Как взор ласкает синева
И всходит первая трава.
И радость льётся без границ
Под пенье прилетевших птиц.

«Огласится кликами...»

Огласится кликами
Сосен перезвон.
С расписными ликами
Церковки, как сон,
Тают в дымном кружеве
Вдоль лесных дорог.
Мчатся кони дружные,
Не жалея ног.
Пышут зори алые,
Сбруи в серебре.
Запахи медвяные
Льются на заре.

«Так вот он, Финляндский вокзал...»

Так вот он, Финляндский вокзал,
Сюда прихожу не впервые.
Но всё ж пулемётов оскал,
Свинцовые трассы шальные
Порою почудятся мне,
И сердце от выстрелов вздрогнет,
Потом о Гражданской войне
С открытою болью напомним,
Как будто на мне есть вина
В событиях давних и бурных,
Что встали на все времена,
Объятые светом пурпурным.

21.03.86

«Над скопищем духов вставала заря...»

Над скопищем духов вставала заря,
И не было больше в России царя,
И плакал о старом божественный лик,
И пыль выметалась из дьявольских книг,
И думал о счастье страдальный народ,
И верил, что новое солнце взойдёт.
Но рушились стены соборов, церквей,
И шли миллионы лишь к плахе своей.

«В соборе оживают тихо фрески...»

В соборе оживают тихо фрески,
Когда я долго вглядываюсь в них.
И полумрак уходит в тот же миг,
Цепляясь за дрожащие подвески.

Алтарь, престол плывут в туманном блеске,
Змеится мудрость пропылённых книг...
Что понял я, что в жизни я постиг:
Смиренье или страсть в душевном всплеске?

Свет, бабочкой порхая, льнёт к углу,
Где в тайниках таится грусть и плесень
И паутины держат цепко мглу.

Как близок мне аккорд печальных песен!
Но всё ж тянусь я к майскому теплу,
Где божий мир прозрачен и чудесен.

«Опять жасмин в саду цветёт...»

Опять жасмин в саду цветёт,
Благоухают снова ночи.
И кружит звёздный хоровод,
В озёра опуская очи.

Прости меня, родимый край,
За то, что был я долго болен
И слышал лишь вороний грай
У тех высоких колоколен.

Прости, что предок мой не смог
Вселить в меня побольше веры,
Чтоб в поле каждый колосок
Мог вызреть и под небом серым.

Цвети, жасмин, премного лет,
Волнуй меня дыханьем ночи.
Не знаю, что мне жизнь пророчит,
Но я люблю твой бледный свет.

Он с лунным слился и затих,
Поодаль льётся от дороги.
Я вижу много снов цветных
Сквозь горечь признанной тревоги.

«Я верю в день, что к нам придёт...»

Я верю в день, что к нам придёт.
Зачем же нищенкой убогой
Встал вечер у моих ворот
И затуманилась дорога?

Зачем в измученной стране
Всё те же слышатся мне беды,
Как будто горе мчится следом
И бесы грудь сдавили мне?

Зачем скрипит моё жилище,
И меркнет неба бирюза,
И разудалый ветер свищет,
Сзывая чьи-то голоса?

Русь

Сильна, свободна Византия,
Но всё ж Олега чует длань.
Что так усердствует вития?
Константинополь платит дань
Не сброду жадных, диких воев,
А государству, что смогло
Поднять себя, навек отстроив
Русь изначальную светло.
Хоромы пахнут хвоей, мятой,
На крышах – кони, петухи.
К крыльцу лисички и опята
Сбегают, сбросив пыль трухи.
Обжиты здесь места глухие
Мечом, огнём и топором.
И стольный град славянский Киев
Взлетел, как сокол, над Днепром.
Его и Новгород Великий
Объединил вещун и князь
Своей любовью многоликой,
И Русь царевной поднялась.
Теперь считаться стали с нею
И в ближних царствах, и вдали,
И одержимостью своею
Она смутила часть земли.

Болгары, греки и хазары
С трудом могли тягаться с ней,
И битв грозящие удары
Её лишь делали сильнее.
Её ладьи плескались звучно
В озёрах, реках и морях.
И я был с нею неразлучно
В походах, битвах и пирах...

На скиту

Покоем веет одинокий Скит —
Приют уставших и печальных сосен,
Забытых дум и невозвратных вёсен,
Где всё ж душа заветное хранит.

Ожив, она над озером парит,
Оставлены заботы и тревоги,
Мелькает мысль о святости, о Боге,
И в сером камне виден лазурит.

Её влечёт синеющий простор,
И древний путь, веками не забытый,
И ропот волн, свободный и открытый.

Она со мной вступает в жёсткий спор
В тени большой обугленной ракиты.
Ей словно жаль моей мечты разбитой...

«Поэтами воспетый...»

Поэтами воспетый
В век лучший, золотой,
Ещё не канул в Лету
Померкший купол твой.
К нему орёл двуглавый
Направил снова взор.
В нём – отблеск нашей славы
И с недругами спор...

«Берестяных ли грамот слово...»

Берестяных ли грамот слово
Мне слышится из недр земли?
Я, пленник утреннего зова,
Не вижу, что же там, вдали.

Не облака встают – руины
Славянских древних городов.
Стрелой пронзённый глас равнины
Летит из глубины веков...

«Церквушка Власия...»

Церквушка Власия,
Церквушка малая
Собой украсила
Водицу талую.

В ней голубиная
Синь отражается,
Печаль глубинная
В ней разрушается.

Давно мне хочется
Тепла, отдушины.
Её высочеством
Снега порушены...

«Под кремлёвскими башнями снег...»

Под кремлёвскими башнями снег.
Ветер века берёт разбег.
Наползает промозглая стынь
На созвездие русских святынь.

Но бессильна свинцовая мгла
Затемнить над рекой купола,
Как не может всех недругов рать
К ним любовь осквернить, растоптать.

«Слепит глаза сияние небес...»

Слепит глаза сияние небес,
Напор воды в логу не удержи́м.
Синичьи «дудки» оглашают лес.
Весь этот мир, что снова одержим,
Не булькает – клокочет и зовёт
Туда, где все растоплены снега,
Где чувств идёт такой водоворот,
Что затопляет жизни берега.

«– Что, смерд, написаны иконы...»

– Что, смерд, написаны иконы?
Добро, старание в чести.
Мы свято чтим свои законы,
И стяги нам свои нести.

Не получается сегодня?
Будь терпеливей. Кисть не меч:
Она должна ходить свободно,
Чтоб дух парил и наша речь.

«Во владеньях Врубеля и Блока...»

Во владеньях Врубеля и Блока
Русь живёт невестой синеокой
Или юной сказочной царевной,
Самой обаятельной и верной
Своему призванью и значенью.
Оттого струится в ней свеченье
В уголках спокойных и далёких
И в соборах звучных и высоких,
Где ещё душевные порывы
Благородны, святы и красивы.

«Ни души на дороге степной...»

Ни души на дороге степной,
Но дрожит добрый конь подо мной,
В нетерпенье грызя удила.
Ярославна! Зачем позвала
Ты меня из глубоких времён?
Точно сбруи серебряный звон
Слышу я. Холодеет рука.
Синь. Россия. Плывут облака.

«Под кручей – соминая яма...»

Под кручей – соминая яма,
Над тучей – орлиная синь.
Куда путь лежит? К солнцу прямо.
Гуртами чернеет полынь.

Сжат воздух до боли, до хруста.
Кто степью, пластаясь, летит,
Срывая ревнивое чувство
У броско раздетых ракет?

Наверное, витязь отважный
Из тех позабытых времён
Вновь явлен, как отблеск вчерашний
То ль стягов, то ль русских знамён.

«Святые горы...»

Святые горы...

И. А. Бунин

В степях Азовских – путь к Донцу,
К Святым горам, где монастырь,
Как встарь, внимает чернецу,
Читающему вслух псалтырь.

Возможно, Игорь тем путём
Однажды с войском проходил.
И долго слышал я потом
Великий плач среди могил...

Развеял ветер пыль и прах,
Но путь остался, он – живой.
И в небесах мелькает стяг
Всех тех, кто не пришёл домой.

Молчат курганы и века,
Но память прошлое хранит.
И сквозь тоску издалека
Ко мне бессмертный зов летит.

«Во мрак я вглядываюсь долго...»

Во мрак я вглядываюсь долго:
Летят века в дыму, в огне.
Мелькнёт твой лик в тумане волглом,
И станет вновь тревожно мне.

Что значит вещая тревога?
О чём шумит во мгле ковыль?
Никто не скажет. Лишь дорога
Поднимет к смуглым бёдрам пыль.

В ней знак моей судьбы таится,
В ней плоть проглянет, светлый дух.
Заржёт призывно кобылица,
И вечность отзовётся вдруг.

Как всадники, застыли тени
В яругах, балках и кустах,
На купах призрачных растений,
Возросших на былых костях.

– Ты ждёшь меня? – я слышу голос
Как будто бы из-под земли.
Прижат шеломом пышный волос,
В глазах пылают ковыли.

– Вот меч тебе. Держи покрепче,
Тебя обучат им владеть.
Он быстро грусть твою излечит,
Душа обязана лететь.

Она бессмертна, как равнина,
Как звёзды, что видны в ночи.
Уносит жизнь судьбы стремнина,
А не разящие мечи.

Коня подводят мне, и вместе
Мы скачем в зареве огней.
И путь наш долог, неизвестен
В просторах родины моей.

23. 12. 91

Иловай

Как предки, чту я свято рубежи
Твоих лесов и праведных степей.
Событья давних лет во мне свежи,
Как будто сам я гнал твоих коней.

Как будто я скакал к твоим лугам,
Рожок играл тревогу, скорый сбор.
И тучи стрел взлетали к облакам,
И звон мечей ломал сосновый бор.

Лишь раз тебя не смог я отстоять.
Ты был в крови, клубился чёрный дым.
И, отбиваясь, отступала рать,
Чтоб вновь вернуться к берегам родным.

Кто я по крови? Русич, славянин,
Ещё течёт кровь скифская во мне.
В крови ковыльный дух твоих равнин
Летит, как встарь, на бешеном коне...

Ты говоришь, что я теперь поэт.
Что ж, поругай. Прости мои грехи.
Я знаю: без тебя пути мне нет.
Вон коршун чертит надо мной круги...

Я слышу, как журчит твоя струя,
Теряясь в заповедной глубине.
В ней растворилась молодость моя.
Но я с тобой, и ты навек во мне.

«Гусли славили Бояна...»

Гусли славили Бояна,
Замирали и звенели,
Где Донец блестел водою
И туман рождался белый.

И под клики лебедей
Каждый думал неотступно:
Завтра снова в путь-дорогу
К половецким рубежам.

Гасли звёзды, меркли дали,
Рокотали тихо струны
О земле, омытой кровью,
Об уснувшем ковыле.

Кто дремал под волчьей шкурой,
Кто свой меч острил с надеждой,
Кто молился, как язычник,
На червлёный тусклый щит.

Плач Ярославны

На Дунае голос Ярославны,
Что зегзица, кычет поутру.
От стены Путивля красноглавой
Он летит и плачет на ветру:

«Полечу кукушкой утром рано
И рукав бибряный омочу
Я в Каяле. Им я князю раны
На могучем теле залечу».

Лишь рассвет в степи откроет дали,
И заря в Путивле потечёт,
Плачет Ярославна на забрале,
И слеза красу её сечёт:

«Что ты, ветер, хиновские стрелы
Мечешь всё на русские полки?
Что не мчишь их дальше, за пределы
Смертоносной, гибельной реки?»

Разве тебе плохо в поднебесье
С облаками рядышком летать
Иль над синим морем реять песней,
Корабли беззлобно колыхать?

Что ж сорвал ты Игоревы стяги,
Стрелами пронзил его щиты?
Разве князь мой не испил отваги,
Разве кровь в степи не видишь ты?»

Лишь заря покажется в тумане
И в Путивле скрипнет створ ворот,
Плачет Ярославна. Утром рано
На забрале горько слезы льёт:

«О Славутич-Днепр, ты наш могучий,
Каменные горы ты пробил,
Святослава уносил за кручи,
Что полки Кобякова побил.

Прилелей же, господин, милого,
Защити его в земле чужой,
Чтобы князя я смогла живого
Увидать. И не скорбеть душой».

И опять в Путивле, на забрале,
Лишь заря засветится в бору
И прольётся на степные дали,
Ярославна плачет поутру:

«Светлое, тресветлое ты, солнце,
Всем с тобою красно и тепло.
Что же осушило ты колодцы,

Войско князя жаром обожгло?

И зачем в степи безводной луки
Жаждою скрутило, а колчан
Горем переполнило? Что ж муки
Ты не шлѣшь на грозных половчан?»

«Не смутит печаль времён...»

Не смутит печаль времён,
И средь новых поколений
Снежных вихрей перезвон,
Голоса родных селений

Слышу в звуках февраля.
Солнце красное зегзицей
Вдаль летит. Видна земля,
И курган как бы дымится.

Что он думает, о чём?
О какой-то древней тризне,
Кто зарублен был мечом,
Кто был смел, удачлив в жизни?

Заметает выюга след,
Не видать живых и мёртвых.
И летит сквозь сотни лет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.